

Неразделенная страсть Маяковского

Мария
с дочкой
Алисой.

1915 г.

ДЖИОКОНДА, КОТОРУЮ УКРАЛИ

Первой любовью Маяковского иные считают Софью Шамардину. Эта дама опубликовала свою версию любви с Владимиром Владимировичем. Литературный бомонд знал об этом романе и даже то, чего на самом деле не было. Когда же появилась поэма "Облако в штанах", стало ясно: наконец поэт изведаль прилив страсти огромной силы. Кто же она, Мария, взволновавшая Владимира и представшая преображенной в поэме?

Маяковский был певцом неразделенной страсти, любви-шторма, любви — Божией кары. С Богом у поэта шел постоянный диалог: "Думает Бог: погоди, Владимир! Это ему, ему же, чтоб не догадался, кто ты, вздумалось дать тебе настоящего мужа и на ролях положить человечьи ноты". Любовную страсть, воспеваю в поэме "Флейта-позвоночник", вызвала в его сердце Лиля Брик. Поэма "Облако в штанах" писалась еще до встречи с ней.

Только в последнее время благодаря усилиям Музея Владимира Маяковского из мглы времени стал проступать реальный облик очень интересной, талантливой и несчастной женщины Марии Денисовой, одаренного скульптора трагичной судьбы.

1914 год. Знаменитые футуристы, озорники, любители давать пощечину общественному вкусу, приехали выступать в Одессу. У вокзала взяли три открытых кабриолета и цугом, гуськом отправились через весь город в гостиницу. В первой коляске сидел двухметровый гигант Владимир Владимирович Маяковский с тросточкой. Во второй — Василий Васильевич Каменский с самолетиком на щеке. В третьей — Давид Давидович Бурлюк с лорнеткой. Неотразимые — в цилиндрах, в черных пальто. Одесситы, знакомые с концертными афишами, встречали гостей криками восторга: "Футуристы едут! Едут! Браво!"

Потом у моря произошла неожиданная встреча. Каменский первый заметил "совершенно необыкновенную девушку: высокую, стройную, с замечательными сияющими глазами, словом, настоящую красавицу". Последовал его крик: "Володичка, взгляни сюда...". Первый взгляд — и забылась, осталась в стороне предконцертная суета. Какой-то внутренний зов заставил Владимира покинуть друзей и смешаться с толпой. Он где-то пропал до самой ночи. Очевидно, успел познакомиться с девушкой. Каменский так описал сильную перемену в поведении поэта, когда он ночью предстал перед друзьями: "Возбужденный, чему-то улыбающийся, рассеянный необычайно, совсем на себя не похожий".

До сих пор молодой футурист не знал отказа у женщин. Чего стоит ресторанный случай: Корней Чуковский пригласил поэта к столу и познакомил со своей пассией — Софьей Шамардиной. Не успел и оглянуться Корней, как Владимир увел его "Сонку". Связь с Шамардиной проходила под оркестровку придумок обиженного изменой Корнея — сплетни носили явно скандальный характер.

Поищем в стихах поэта, в ранних поэмах и в вариантах хотя бы упоминание о Шамардиной. Всего лишь раз в трагедии "Владимир Маяковский" прозвучало имя женщины, интимные отношения с которой длились с 1912 года. Знаменательно: проносит это имя — всего лишь определенный кивок в сторону вечной Сонечки Достоевского. Именно в этой трагедии с уст поэта срывается тоска о единственной, еще не встреченной женщине: "Я искал ее, невиданную душу, чтобы в губы-раны положить ее целующие цветы".

Все сочинения поэта тех лет — это крик обездоленного сердца.

С изыскством благородного господина поэт вышучивает свой донжуанский опыт: "Женщину ль опутываю в трогательный роман..." Но чувственный опыт целого поколения заставляет поэта в начале поэмы "Облако в штанах" перейти на язык улицы: "Мною опять славословятся мужчины, залежанные, как больница, и женщины, истерпанные, как пословица". Его душа искала чистоты и духовной близости, о чем пропелось в "Скрипке и немножко нервно". А на плечи вешались "женщины, любящие мое мясо".

И вдруг в Одессе, вблизи моря, — улыбающаяся ровесница, недотрога. Ее искрящийся взгляд он принял за обещание настоящей любви. В поэме звучат слова покаяния: "Детка! Не бойся, что у меня

на шее воловией потноживотные женщины мокрой горою сидят... /Мария, ближе! В раздетом бесстыдстве, в боящейся дрожи ли./ но дай твоих губ неисцветшую прелесть./ я с сердцем ни разу до мая не дожиди./ а в прожитой жизни лишь сотый апрель есть".

Яснее некуда — до встречи с Марией для его сердца еще не наступил май. События развивались стремительно. "Красивый, двадцатидвухлетний" Маяковский, обнаженный, очевидно, тем, что девушке с ним было очень интересно, готов был совершить неожиданный для себя шаг. Перед встреченной девушкой ему не надо было флианговать "шагом Дон Жуана и фата". Шокирующие игры — для поэтических дискуссий: "Хорошо, когда в желтую кофту душа от осмотров укутана".

Кто же она, пробудившая в поэте такую страсть, такой пожар сердца?

Мария Александровна Денисова готовилась посвятить себя изобразительному искусству. Училась сначала в частной живописной студии, а затем в художественном училище. Небу было угодно, чтобы эти двое встретились. Оба красивы, к тому же страстно увлечены искусством. Грозовой разряд последнего объяснения поэта с Марией вылился в сильные строки о трагичной, неразделенной любви. За безнадежностью томительных ожиданий ("Приду в четыре, — сказала Мария. Восемь. Девять. Десять") следует мощная метафора: "Упал двенадцатый час, как с плахи голова казненного". И далее в поэме появляется абсолютно точная биографическая деталь: "Вошла ты, резкая, как "нате!", муча перчатки замш, сказала: "Знаете — я выхожу замуж". Что ж, выходите. Ничего. Покреплюсь. Видите — спокоен как! Как пульс покойника".

Тогда в Одессе, в гостинице, героиня не приняла всерьез заклинание поэта: "Мария! Поэт сонеты поет Тиане,/а я — весь из мяса, человек весь/ — тело твоё просто прощу, как просят христиане/ — "хлеб наш насущный даждь нам днесь". /Мария — дай!" В крике влюбленного Маяковского — откровенная жажда взаимности. В нем ни капли цинизма. Но девушка выбрала не стихи, не славу, а житейское — замужество: Мария Денисова вышла за перспективного инженера Василия Строева.

Жила вместе с ним в Швейцарии. Там у них родилась дочь Алиса. Мария продолжила занятия живописью и скульптурой в Лозанне и в Женеве (с 1914 по 1918 гг.). Позднее Мария Александровна училась в Москве, в знаменитом ВХУТЕМАСе. Супружество не сложилось. Строев уехал в Англию, а Мария Александровна — в погибающую революционную Россию.

Эта сильная духом женщина оставила дочку у знакомых и ушла в Первую Конную армию. Подобно тому, как Маяковский в годы гражданской войны отдавал себя агитпропу, наступив на горло собственной песне, так и Мария Александровна, не будучи военнообязанной, стала руководителем художественно-агитационного отдела армии. Сначала Первой Конной, а потом Второй. Писала агитплакаты, рисовала карикатуры, играла на сцене.

На выставке "Мария" в Музее Владимира Маяковского висит удивительно современный портрет молодой женщины в белых одеждах, стриженой наголо. У нее отличной лепки голова, вопрошающий взгляд и гордая независимость. Мария Александровна перенесла три тифа и была ранена. Снимок сделан вскоре после ее возвращения из госпиталя.

В годы гражданской войны Денисова второй раз вышла замуж за Ефима Афанасьевича Щаденко, члена Реввоенсовета Первой Конной армии (он входил в РВС вместе с Ворошиловым). Когда закончилась война и началась тусклая, как холстина, жизнь, то вдруг обнаружилась полная несовместимость личности художницы с запросами и вкусами крупного военного чина. Щаденко был замнаркомом обороны. Ему дали большую квартиру в Москве, в Доме на набережной, на последнем, десятом этаже, с огромным балконом. Мужа раздражало, что жена вечно занята своими скульптурами. Мария Денисова-Щаденко была крепким монументалистом, ее скульптурные работы выставлялись на международных биеннале в Женеве, Венеции, Варшаве, Цюрихе, Берне, Копенгагене. И в Москве у нее было несколько выставок. Лепила она и портрет своего мужа, усиливая в нем черты героизма и мужества, как и в портретах крупных общественных деятелей и военачальников тех лет. Ее нежная и любящая душа явила свою красоту в белоаморном автопортрете с дочкой "Материнство".

Не всем нравится выполненная ею в гипсе голова "Поэта" (1926—1927 гг.). Денисова сурово изобразила Маяковского с глубокими складками, идущими от губ к подбородку. Голова поэта погружена в гипс, тонет в нем. Эта голова обреченного: жесткая межбровная морщина и пристальный, всевидящий взгляд человека, осознавшего перерождение людей и идей, понимающего приближение трагического финала. Такой портрет заставляет размышлять, искать ответы. Сама Мария Александровна в письме к Владимиру Владимировичу так объясняла свой замысел: "Работа "Поэт" построена на остром угле — да и по существу Вы остро-угольный".

Семейная жизнь Марии Александровны с Ефимом Щаденко превратилась для нее в настоящую муку. Ее скульптуры были вышвырнуты на балкон, под дождь, ветер и снег. Там оказалось даже светлое, целомудренное "Материнство". Возможно, в московском обществе Мария Александровна не раз встречала поэта. Она писала ему. Вот одно из ее писем к Маяковскому от 21 декабря 1928 года:

"Дорогой мой Владимир Владимирович! Прошу, берегите свое здоровье — мне очень печально было узнать, что Вы стали сдавать — конечно, в смысле здоровья — т.к. ясно — литературно вы на правильном пути. Хотелось бы еще одной-две монументальной работы... Берегите, дорогой мой, себя. Как странно, Вы обеспечены, а не можете окружить себя обстановкой и бытом, который бы дольше сохранил Вас — нам. Что с глазами?"

Крепко жму Вашу руку, мой всегда добрый и близкий. Мария."

Постскриптум письма значительно длиннее, написан сумбурно, с множеством сокращенных слов, даже иногда без знаков препинания. На полях Мария сообщает: "С мужем разошлась — уехала в общежитие безработных РАБИС — и все из-за скульптуры, т.к. домашнее хозяйство брало целый день...". И далее важная подробность о муже: "Временно упрощил <sic> все же вернуться — грозя, что застрелится — А уйти нужно — работать не дает. Домострой. Эгоизм. Тирания". И буквально крик в конце: "Нужен мрамор натура и мастерская иначе моральное убийство..."

Из письма 1929 года мы узнаем важную подробность — М.А. Денисова бывала у Маяковского дома и получала от него материальную помощь: "Дорогой Владимир Владимирович! Щаденко категорически не разрешил мне брать у Вас денег — думал он, что я пошугила в первый раз, говоря, что Вы будете оплачивать натурой и отливку. Все же я надела долгов — прошу Вас в четверг в 4 часа быть дома или в пятницу в 4 часа... За Вашу помощь я Вам бесконечно благодарна, если бы я ко-

гда-нибудь могла бы быть Вам полезной, то, ясно, сделала то же для Вас, что и Вы".

А в письме от 8 декабря 29-го года она писала: "Благодарю, дорогой, за защиту женщины от домашних "настроений" мужей-партийцев. Здорово помогает и "Баня", и "Клоп". Доходит. Хороший бич — слово, сарказм".

Потом что-то случилось — многое покрыто мраком. Почему-то нет ее работ, сделанных позже 36-го года. Перестала валять или же все было уничтожено? Именно в те годы ломались судьбы и даже жизни обитателей Дома на набережной. А еще в 28-м году она писала Маяковскому: "...бросать приходить скульптуру, а для меня это равносильно смерти".

Если тебя тиранят, не позволяют заниматься творчеством — как тут не впасть в психастению. Это слово Мария Александровна однажды употребила в письме к Маяковскому. В письмах 29-го года у женщины какой-то нервный слог, "рваный" почерк — признаки тяжелого душевного неблагополучия. Что же послужило поводом ее последнего отчаянного шага, — по робким слухам, ринуться вниз с десятого этажа? Вокруг ее самоубийства сплошная тайна. Пока никому не удалось прояснить подробности этой трагедии.

Мария Александровна покончила с собой в 1944 году. Ее похоронили на Новодевичьем кладбище (участок 4, ряд 9, могила 14).

Генерал-полковник Е.А. Щаденко (1885—1951 гг.) похоронен на Новодевичьем, на участке военачальников. Могила Марии Александровны долгое время была заброшена, забыта всеми, даже родными. Ее дочь Алиса Васильевна уехала в Англию вместе со своей дочерью, Ольгой Карповой. Вторая дочь Алисы, Татьяна Карпова, осталась в Москве. О ней ничего не знают даже музейщики. Была бы замечательно, если бы она отозвалась на эту публикацию. Близкие люди, уехавшие за границу, обещали поставить памятник на могиле, а скульптуру "Материнство" увезти с собой. Шли годы, обещание забылось. И тогда музей Маяковского установил надгробие: на гранитном пьедестале водружена авторская скульптура М.А. Денисовой "Материнство".

Зайдите в Музей Маяковского в Лубянский проезд, на выставку "Мария", взгляните в фотографии этой загадочной женщины, познакомьтесь с ее работами, часть которых хранится в Третьяковке и в ряде музеев.

Лирическая героиня поэмы "Облако в штанах" — не копия юной Марии Денисовой, но уж, конечно, никак не собирательный образ, каким его пытаются представить. Это понятие, заимствованное из прозы, к поэзии абсолютно не приложимо. Молодая провинциалка отказала поэту и, не догадываясь о последствиях, "раздразнила Везувий" — вызвала мощный подъем эмоций. Все остальное сделал гений поэта — и ни одна из женщин ему это не "продиктовала"! Поэтический вулкан выбрасывал сумасшедшую лаву образов, метафор, гипербола: "Помните? Вы говорили: "Джек Лондон, деньги, любовь, страсть", я одно видел: вы — Джоконда, которую надо украсть! И украли".

Год спустя Маяковский запишет в автобиографии "Я сам": "Радостнейшая дата. Июнь 1915-го года. Знакомство с Л.Ю. и О.М.Бриками". И начнется новая, прекрасная и все-таки трагичная история любви. Вот почему первые издания поэмы в 1915 году выходили с посвящениями: "Тебе, Лилия". Посвящение не отменяет пережитого поэтом: на весь мир он признался в своей неуправляемой страсти, которая заглянула в нем не где-нибудь: "Это было, было в Одессе". Можно представить: имея его одесскую влюбленность счастливого продолжение, и опять, вероятно, на долю В.В. досталась бы "черствая булка вчерашней ласки".

Наталья ДАРДЫКИНА.

P.S. Письма М.А. Денисовой публикуются впервые. Оригиналы хранятся в РГАЛИ.